

A detailed illustration of a person with red hair, seen from behind, wearing an ornate blue and gold outfit. They are holding a stringed instrument, possibly a lute or guitar. The scene is set in a lush, forested landscape with a large, dark, gothic-style castle in the distance. The sky is a deep blue with a large, bright full moon, a crescent moon, and several smaller celestial bodies. The overall mood is magical and mysterious.

Тая Геката

Песнь Кантилена

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тая Геката

Песнь Кантилена

<https://litres.ru/74233292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Серафина — настройщица музыкальных инструментов из современного мира. Всю жизнь она слышала странный гул на границе слышимости и прятала от всех свою душу. Однажды во сне она оказывается в звенящем лесу под двумя лунами. Там её встречает мужчина с серыми глазами и золотыми искрами — Ареон, Главнокомандующий Стражей Кантилена, мира, где магия звучит как музыка.

Он ждал её десять лет. Она не верила, что он реален. Но связь, вспыхнувшая между ними при первом прикосновении, сильнее времени, пространства и самой смерти. Теперь Серафине предстоит выбрать: вернуться в привычный мир, к мужчине, которого она считала своей любовью, или остаться и завершить древний ритуал, от которого зависит судьба целого мира.

«Песнь Кантилена» — это история о том, что каждый из нас носит в себе неслышимую мелодию. И самое большое чудо — найти того, кто слышит тебя даже сквозь безмолвие.

Тая Геката

Песнь Кантилена

ПЕСНЬ КАНТИЛЕНА

Роман

Автор: Тая Геката

Посвящение:

Всем, кто доверял своим снам. Всем, кто просто верил и ждал.

Жанр: романтическое фэнтези

Аннотация:

Серафина — настройщица музыкальных инструментов из современного мира. Всю жизнь она слышала странный гул на границе слышимости и прятала от всех свою душу. Однажды во сне она оказывается в звенящем лесу под двумя лунами. Там её встречает мужчина с серыми глазами и золотыми искрами — Ареон, Главнокомандующий Стражей Кантилена, мира, где магия звучит как музыка.

Он ждал её десять лет. Она не верила, что он реален. Но связь, вспыхнувшая между ними при первом прикосновении, сильнее времени, пространства и самой смерти. Теперь Серафине предстоит выбрать: вернуться в привычный мир, к мужчине, которого она считала своей любовью, или остаться и завершить древний ритуал, от которого зависит судьба целого мира.

«Песнь Кантилена» — это история о том, что каждый из нас носит в себе неслышимую мелодию. И самое большое чудо — найти того, кто слышит тебя даже сквозь безмолвие.

Содержание:

Глава 1. Обрывки

Глава 2. Эхо

Глава 3. Время

Глава 4. Трещины

Глава 5. Пробуждение

Глава 6. Ужин

Глава 7. Тени

Глава 8. Поле боя

Глава 9. Визит

Глава 10. Пробуждение

Глава 11. Дорога к истине

Глава 12. Исцеление

Глава 13. Канун

Глава 14. Ритуал Единения

Эпилог. После Песни

Глава 1. Обрывки

Ей снился лес.

Не земной лес, не тот, куда они ездили с родителями в детстве — с комарами, мокрой травой и запахом сосновой смолы. Этот лес был другим. Он звенел.

Деревья — высокие, тёмно-золотые, с кронами, теряющимися где-то в индиговом небе — не качались от ветра. Они вибрировали, как струны, и от каждого ствола исходил низкий, утробный гул. Под ногами стелился мох, но не зелёный. Он мерцал, переливался аметистовым и изумрудным, и когда Серафина делала шаг — мох отзывался тихим хрустальным звоном, как будто она шла по миллиону крошечных колокольчиков.

Она не знала, как здесь оказалась. Только что она легла спать в своей квартире, а теперь стоит посреди звенящего леса, босиком, в своей старой футболке, и над головой у неё — две луны.

Две. Одна повыше, серебряная и острая, как серп. Вторая пониже, крупная, золотистая, похожая на застывший янтарь. Они висели в индиговом небе одновременно, и от каждой тени на мху было две — длинная серебряная и короткая золотая.

Серафина сделала шаг. Потом ещё один. Хрустальный звон под ногами складывался в мелодию — странную, рваную, но чем дальше она шла, тем стройнее она звучала. Как будто лес настраивался под неё. Как будто узнавал.

Впереди что-то засветилось.

Цветы. Полупрозрачные, похожие на лилии, но сотканые не из лепестков, а из тумана и света. Они распускались прямо в воздухе, на уровне глаз, и от каждого исходил шёпот. Слова. Обрывки фраз.

«...всё решено...»

«...ещё не время...»

Серафина остановилась. Хотела дотронуться до ближайшего цветка, но он растаял, оставив на пальцах влажный, пахнущий озоном след.

И тут она услышала шаги.

Не звонкие, как у неё. Мягкие, тяжёлые, уверенные. Кто-то шёл по мху, и мох не звенел под ним — он гудел, низко и мощно, как виолончель.

Она обернулась.

Он стоял в десяти шагах.

Высокий — ей пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Чёрные волосы, длинные, ниже плеч, собраны у виска серебряной заколкой в форме нотного знака — такого она никогда не видела. Одежда странная, нездешняя: чёрный мундир, расшитый серебряными нитями, высокий ворот, на плечах — что-то вроде наплечников, но лёгких, кожаных, с вставками светящегося мха. Лицо резкое, словно высеченное из тёмного камня. Высокие скулы, твёрдая линия челюсти, прямой нос. И глаза — серые, как грозовое небо, с золотыми искрами, которые двигались, жили, переливались.

Он смотрел на неё. Не удивлённо. Не испуганно. Так, будто ждал. Будто знал, что она придёт.

— Ты пришла, — сказал он.

Голос был именно таким, каким она его запомнит — низкий, глубокий, с лёгкой вибрацией, от которой у неё завибрировало где-то в груди. Как будто он говорил не голосом, а звуком, и этот звук резонировал с чем-то внутри неё.

— Где я? — её голос прозвучал слишком резко, слишком громко, и где-то рядом испуганно зазвенели цветы. — Что это за место?

Он сделал шаг к ней. Затем ещё один. Мох гудел под его ногами, и она вдруг заметила, что воздух вокруг него чуть колеблется, как над горячим асфальтом. От него исходила сила. Магия. Она чувствовала её кожей.

— Это Кантилен, — сказал он. — Вернее, его малая часть. Ты далеко забралась, Серафина.

Она вздрогнула. Откуда он знает её имя? Она не представлялась. Она вообще ничего не понимала.

— Это сон, — сказала она. — Просто сон. Я сплю. Сейчас проснусь — и ничего этого не будет.

Он смотрел на неё. И в его глазах — она могла бы поклясться — мелькнуло что-то похожее на нежность. Быструю, спрятанную, как искра, которую тут же загасили.

— Это не сон, — сказал он. — Это Грань. Ты прошла сквозь неё. Я не знаю как — но прошла. И теперь тебе нужно вернуться. Пока тебя не услышали.

— Кто?

— Те, кто охотится на такие мелодии, как твоя.

Он протянул руку.

Это был жест не угрозы. Скорее — приглашение. Или предупреждение. Его ладонь — широкая, с длинными пальцами, на среднем — перстень с тёмным камнем, в котором, казалось, спала какая-то искра, — зависла в воздухе между ними.

Серафина не должна была брать её. Она знала это. В сказках, которые она читала в детстве, нельзя было брать за руку незнакомцев из снов. Нельзя было верить голосам, которые звучат в голове.

Но она взяла.

Его пальцы сомкнулись вокруг её запястья — тёплые, твёрдые, настоящие.

И мир вздрогнул.

Не метафорически. Не в воображении. Воздух вокруг них пошёл рябью, как вода, в которую бросили камень. Хрустальный мох вспыхнул ослепительным светом. Где-то далеко, на границе слышимости, зазвучал аккорд — низкий, мощный, такой глубокий, что Серафина почувствовала его не ушами, а всем телом. Кости завибрировали. Сердце сбилось с ритма и тут же подстроилось под этот новый звук.

По её руке, от запястья к локтю, поползли линии.

Серебряные. Светящиеся. Они проступали из-под кожи, как проступает рисунок на бумаге, поднесённой к огню. Узоры — тонкие, изящные, похожие на ноты и выющиеся стебли одновременно. Они не жглись. Они пели. Каждая линия звучала своей нотой, и вместе они складывались в мелодию — её мелодию, которую она слышала всю жизнь, но никогда не могла воспроизвести.

Серафина смотрела на свою руку, не в силах отвести взгляд. А потом подняла глаза — и увидела, что его рука тоже светится.

Такие же узоры. Такие же серебряные линии, бегущие от

запаястья вверх. И его лицо — оно изменилось. Уверенность, властность, спокойствие — всё исчезло. В серых глазах плескалось потрясение. Нет — больше. Испуг.

Он смотрел на их соединённые руки так, будто держал в ладонях не её пальцы, а горящий фитиль, который вот-вот доберётся до пороха.

И в тот же миг вокруг них начал струиться свет — мягкий, золотисто-серебряный. Он обвивал их руки, поднимался выше. А потом пришла боль. Не физическая — или не совсем физическая. Рвущая, тянущая, голодная. Она возникла где-то глубоко внутри, там, где только что начала звучать общая мелодия — и вдруг оборвалась, как струна, натянутая сверх меры.

Серафина вскрикнула. Он стиснул зубы, на скулах заходили желваки.

Их взгляды встретились. В его глазах она увидела то, чего не ожидала: полное, абсолютное непонимание. Он не знал, что происходит. Он был напуган не меньше неё.

— Что... — начала она, но он уже отпускал её руку. Резко, почти грубо, как будто прикосновение жгло его.

— Уходи.

Голос был жёстким, как приказ. Но за этой жёсткостью она почувствовала дрожь.

— Но я не...

— Уходи! Немедленно!

Он не объяснял. Не уговаривал. Просто стоял и смотрел на неё — высокий, чужой, напуганный, — и в его взгляде читалось только одно: «Беги». Свет вокруг них начал гаснуть. Узоры на коже — бледнеть, сворачиваться, прятаться обратно. Боль не исчезла, но стала глуше, словно её прикрыли ладонью.

— Кто ты? — выдохнула она. — Что это было?

Он покачал головой. Не ответил.

Вместо ответа он взмахнул рукой — и лес начал таять. Индиговое небо, две луны, светящийся мох, цветы-эхо — всё расплывалось, как акварельный рисунок под дождём. Последним, что она увидела, были его глаза — серые, с золотыми искрами, полные смятения и чего-то ещё, чего она не успела понять.

А потом мир взорвался тишиной.

Серафина открыла глаза.

Подушка. Потолок. Мягкий свет ноябрьского утра, сочащийся сквозь неплотно задёрнутые шторы. Рядом, уткнувшись лицом в её плечо, спал Илья.

Она замерла на мгновение, прислушиваясь к его ровному, глубокому дыханию. Он всегда спал как ребёнок — беззащитно, разметаив волосы по подушке, и эта привычка неизменно вызывала у неё прилив нежности. Вот и сейчас тепло его тела, такого знакомого и родного, начало успокаивать бешено колотящееся сердце.

А потом она почувствовала боль.

Не физическую — или не совсем физическую. Она поселилась где-то под сердцем — тупая, ноющая, голодная. Тоска по чему-то, что началось, но не закончилось. И вместе с болью пришёл гнев.

Она осторожно, чтобы не разбудить Илью, села на кривую

ти. В голове метались обрывки — чужое лицо, чужой голос, свет, серебряные линии на коже, и главное: «Уходи».

Просто «уходи». Без объяснений. Без права спросить.

С какой стати?

Кто он такой, чтобы приказывать ей? Чтобы хватать её за руку и запускать что-то — что-то важное, что-то огромное, — а потом вышвыривать обратно?

У неё была жизнь. Хорошая жизнь. Своя. Она любила свою работу — возвращать голос инструментам, которые потеряли его. Любила эту квартиру, которую они с Ильёй обустроивали вместе. Любила Илью — спокойного, надёжного, иногда немного рассеянного, но всегда готового поддержать. Ей нравилось просыпаться рядом с ним, нравилось их уютное молчание за завтраком, нравилось, что он никогда не давил, не требовал от неё быть другой — более яркой, более страстной, более какой-то там ещё. Он принимал её такой, какая она есть. И она принимала его.

А тут является какой-то... Она даже имени его не знала. Является какой-то незнакомец, хватает её за руку, переворачивает всё вверх дном — и просто командует: «Уходи».

Гнев был таким сильным, что на глазах выступили слёзы. Серафима сжала кулаки, вдавливая ногти в ладони.

— Никто тебе такого права не давал, — прошептала она.
— Никто.

И в этот момент она заметила запах.

Озон. Влажный камень. Что-то пряное, сладковатое — как дым от незнакомых благовоний. Он шёл от её кожи, от волос, от подушки. Запах, которого не могло быть в их спальне.

Она медленно поднесла руку к лицу. На запястье, там, где во сне его пальцы сомкнулись вокруг её руки, темнел след. Пять точек от пяти пальцев. И кожа в этих местах чуть светилась — аметистовым, изумрудным, как тот мох, который она уже почти забыла.

Она закатала рукав выше — и замерла.

На предплечье, под самой кожей, прятались узоры. Едва заметные, бледные, как выцветшая татуировка. Но они были там. Те самые линии — тонкие, серебряные, похожие на ноты и выющиеся стебли. И они болели. Тихо, глухо, тоскливо — как болит не до конца зажившая рана.

Гнев отступил. На его место пришёл холодный, липкий страх.

Значит, это был не просто сон.

Значит, всё, что случилось в том лесу — свет, узоры, боль, его испуганные глаза, — всё это было по-настоящему.

Она перевела взгляд на спящего Илью. Его лицо было безмятежным, ресницы чуть подрагивали — ему что-то снилось. Хорошее, наверное. Он заслуживал хороших снов. Он вообще заслуживал гораздо большего, чем женщина, которая просыпается с меткой другого мужчины на коже.

Стыд обжёг горло.

Она не сделала ничего плохого. Это был сон. Она не хотела этого. Она не выбирала этого. Но чувство, что она предала человека, который мирно спит в её постели, было таким острым, что перехватило дыхание.

Серафина встала — осторожно, чтобы не скрипнуть кроватью. Прошла в ванную, закрыла дверь. Включила воду. Долго стояла под горячими струями, пытаясь смыть запах. Не вышло. След на запястье тоже не смывался — он просто

побледнел, как синяк, который уже проходит.

Она надела рубашку с длинным рукавом, застегнула манжету туго, почти до боли. Вернулась на кухню.

Илья уже встал. Возился с кофе-машиной, сонно щурясь на турку. Увидел её — улыбнулся уголком губ.

— Доброе утро. Ты сегодня рано.

— Плохо спала, — сказала она. И это было правдой.

— Может, выходной возьмёшь? — он подошёл, поцеловал её в висок. Его губы были тёплыми, знакомыми, правильными. — Останешься дома, отдохнёшь.

Она через силу улыбнулась. Илья знал, что у неё есть свой внутренний мир — книги, которые она читала до поздней ночи, старые легенды, которые она иногда пересказывала ему за ужином. Он не разделял этого интереса, но и не мешал. Просто принимал как данность — как цвет её волос или манеру морщить нос, когда она смеялась.

И от этого было ещё больнее. Потому что он был хорошим человеком. А она стояла перед ним с чужой меткой на руке, пахла чужим миром и боялась, что он заметит.

Он не заметил.

— Ты сегодня поздно? — спросила она.

— Как обычно. Ужин закажу.

— Давай я приготовлю, — сказала она быстрее, чем подумала. Ей вдруг захотелось сделать для него что-то настоящее, что-то правильное. Испытать то, в чём она не была виновата.

Он кивнул, прихватил пальто и вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Серафина осталась одна.

И тишина сразу стала невыносимой. Потому что в тишине было слышно то, что она пыталась заглушить весь разговор: гул вернулся. Тихий, далёкий, но теперь он звучал иначе. Как будто кто-то наконец-то начал его настраивать. На неё.

Она открыла браузер. Набрала в поиске: «Кантилен».

Ноль результатов. Ну конечно.

«Грань».

Статьи по физике. Теория струн. Ничего про сны, про лес, про цветы, которые шепчут.

«Серые глаза с золотыми искрами».

Идиотка. Что она надеялась найти?

Она уже хотела закрыть телефон, но пальцы сами набрали ещё одно слово.

«Истинные пары».

Поисковик задумался. Выдал несколько ссылок на эзотерические форумы. Кто-то пересказывал древние легенды о родственных душах, кто-то торговал приворотами. Она пролистнула вниз — и замерла.

Маленький блог. Ни картинок, ни рекламы. Один-единственный пост, опубликованный три года назад. Заголовок: «Легенда об Истинных Парах (перевод с неизвестного языка)».

Она открыла его.

В Первый День, когда мир был лишь мелодией без слов, Великий Композитор коснулся струн Вечности. И каждая нота, срываясь с Его пальцев, становилась душой. Но души рождались не поодиночке, а парами — двумя голосами, сплетёнными в единый аккорд.

И были эти пары — Истинными. Их любовь не была выбором или чувством. Она была Законом Мира, дыханием, которым жила сама магия.

Но Человек, ослеплённый гордыней и жаждой единоличной власти, позавидовал совершенству дуэтов. Он не смог найти свою Пару и решил, что сам мир устроен неверно. Он взойшёл на Чёрный Пик и на струнах собственной души, искажённой болью, сыграл ноту Раскола.

Нота эта прозвучала как крик, и Грань между мирами содрогнулась. Способность слышать свою Истинную Пару была утрачена. Мир погрузился в Тишину, и магия начала угасать.

Но Композитор, в милосердии Своём, оставил надежду. В последнем аккорде умирающей Песни прозвучало пророчество:

«Когда Грань истончится в день Равноденствия, Придёт

Резонатор — душа, звучащая тысячью мелодий. И встретит её Хранитель — душа, властная над всеми мелодиями. Их союз разобьёт ноту Раскола. И Песнь Мира зазвучит вновь».

Серафина дочитала и уставилась на последнюю строчку. Под легендой была приписка:

«Слышащие знают. Ждите Осени».

Она долго смотрела на последнее слово. Осень. Что-то в нём отозвалось — слабо, на самой границе сознания, как далёкое эхо. Может быть, потому что осень была её любимым временем года. Может быть, потому что ноябрь за окном никак не желал становиться зимой. Или потому, что в этом слове было какое-то обещание — смутное, неясное, но тревожное.

Она встряхнула головой. Глупости. Просто случайный блог. Просто красивая легенда, которую кто-то перевёл с неизвестного языка и выложил в сеть.

Она резко выключила телефон. Встала. Налила свежий кофе. Сделала глоток. Посмотрела на свою руку, на манжету, под которой прятались серебряные линии. Потом на фотографию на холодильнике — они с Ильёй в прошлом году

на побережье, оба смеются, Илья пытается поймать её в объектив, а она отмахивается.

У неё была жизнь. Хорошая жизнь. Она не просила дружую.

— Это ничего не меняет, — сказала она вслух. — Я сама решаю, что мне делать. Сама.

Но запах озона всё ещё висел в воздухе. Запястье под манжетой тихо звенело. На предплечье, под слоем хлопка, прятались серебряные узоры — незавершённая клятва, которую она не давала, но которую теперь носила в себе. А где-то глубоко внутри, натянутая до предела, дрожала струна, готовая порваться, если её не коснутся снова.

И гнев никуда не ушёл. Он просто затаился, ожидая, пока страх отступит. Потому что где-то там, в индиговом лесу под двумя лунами, остался человек, который посмел решить её судьбу без спроса. Даже имени не сказал. И однажды она найдёт его — хотя бы для того, чтобы потребовать ответа.

В метро Серафина пыталась читать.

Это был старый, почти машинальный ритуал: достать телефон, открыть какую-нибудь статью или книгу, сделать вид, что она занята. Обычно это помогало отгородиться от толпы — она не любила час пик, не любила, когда чужие плечи и локти вторгались в её личное пространство. Но сегодня текст плыл перед глазами. Она перечитывала один и тот же абзац третий раз и не понимала ни слова.

Гул вернулся.

Тихий, далёкий, он звучал где-то на границе слышимости — как басовая струна, которую тронули один раз и оставили вибрировать. Серафина подняла глаза от экрана. Люди вокруг были обычными: студент в наушниках, женщина с детской коляской, пожилой мужчина с потрёпанным портфелем. Никто не слышал того, что слышала она. Никто не оглядывался по сторонам, не прислушивался.

Только она.

Поезд качнуло, и толпа сомкнулась плотнее. Серафина вжалась в поручень, стараясь занимать как можно меньше места. И в этот момент она увидела его.

Высокий мужчина стоял в противоположном конце вагона. Чёрные волосы, собранные в низкий хвост. Прямая спи-

на, широкие плечи — даже в толпе он выделялся, как хищная птица среди голубей. Он смотрел прямо на неё.

Сердце пропустило удар. Серафина замерла, не в силах отвести взгляд. Лицо мужчины было смазано расстоянием и тусклым светом метро, но глаза... Она не могла разглядеть их цвет, но почему-то знала: они серые. С золотыми искрами.

Гул стал громче. Превратился в низкий, вибрирующий аккорд — тот самый, из сна. Тот самый, что заставил мир вздрогнуть.

— Эй, — кто-то толкнул её в плечо. — Вы выходите?

Серафина вздрогнула, обернулась на голос — какая-то женщина протискивалась к дверям. А когда она снова посмотрела в конец вагона, мужчины там уже не было.

Она выдохнула. Прислонилась лбом к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. «Этого не может быть. Я не сплю. Я не сплю».

Поезд остановился. Её станция.

Она почти выбежала из вагона, не оглядываясь.

Мастерская встретила её запахом дерева и канифоли.

Этот запах всегда успокаивал Серафину. Здесь, среди скрипок, виолончелей и роялей, она чувствовала себя почти нормальной. Инструменты были честными — они или звучали, или нет. Третьего не дано. И она умела возвращать им голос.

Сегодня в работе был старый немецкий «Блютнер» — рояль, который она любила особенно. У него был сложный характер: верхний регистр звенел, средний проваливался, бабы гудели глухо и невнятно, как будто инструмент забыл свою собственную мелодию. Но Серафина знала: если найти правильный подход, рояль раскроется. Просто нужно время. Терпение. И слух.

Она склонилась над открытой декой, вооружившись камертоном и настроочным ключом. Первая струна — «ля» малой октавы — отозвалась чисто, почти идеально. Вторая — чуть выше, чем нужно. Она подкрутила колок, прислушалась.

И замерла.

Вместо привычного звука — чистого, ясного, — она услышала что-то ещё. Как будто в ответ на её прикосновение рояль заговорил. Не нотами — словами. Или тенями слов. Шёпотом, похожим на тот, что она слышала во сне. Цветы-Эхо. Они шептали что-то на грани слышимости — не ей, а кому-то другому. Или ей, но из другого времени.

— Что за чёрт, — прошептала она.

Она отдёргнула руку. Звук тут же исчез — остался только обычный, правильный «ля». Но пульс снова зачастил, а запястье под манжетой зазвенело в такт.

Дверь мастерской открылась, и вошла Лиза. Она держала в одной руке стаканчик с кофе, в другой — потрёпанный скетчбук, перепачканный углём.

— Привет, — Лиза плюхнулась на старый стул у стены и уставилась на Серафину. — Ты какая-то не такая.

Серафина натянуто улыбнулась.

— Какая?

— Не знаю. Бледная. И глаза блестят, как будто ты не спа-

ла всю ночь. — Лиза принялась, наморщила нос. — И духи у тебя новые? Или это что-то другое?

Серафина инстинктивно одёрнула манжету. Запах. Он всё ещё был при ней, несмотря на горячий душ и кофе. Озон, влажный камень и что-то пряное — так не пахло ни в одной парфюмерной лавке.

— Никаких духов, — сказала она. — Просто... плохо спала.

Лиза кивнула, но взгляд у неё был внимательный. Она знала Серафину давно — ещё с тех пор, как та только устроилась в мастерскую и молча настраивала инструменты, не глядя по сторонам. Лиза, шумная и общительная, взяла над ней шефство почти насильно — таскала на выставки, знакомила со странными художниками, заставляла смеяться. И она умела замечать то, чего не замечали другие.

— Серафин, — сказала она уже другим тоном, — что случилось?

Серафина помолчала. Потом спросила — тихо, почти шёпотом:

— Ты когда-нибудь слышала что-то, чего не может быть?

Лиза нахмурилась.

— В смысле?

— Звук. Тихий, но постоянный. Как будто мир звенит. Или поёт. — Серафина смотрела на свои руки, на камертон, который всё ещё держала в пальцах. — Как будто где-то далеко-далеко играет оркестр, и ты — единственная, кто его слышит.

Лиза молчала. А потом сказала:

— Ты сейчас серьёзно?

Серафина подняла глаза. Подруга смотрела на неё без насмешки — скорее, с лёгким беспокойством.

— Серьёзно.

— Может, тебе к врачу? — осторожно спросила Лиза. — Ну, знаешь, проверить уши. Или голову.

— Я не сумасшедшая.

— Я не говорю, что сумасшедшая. Просто... — Лиза за-

мялась. — Это странно, Серафина. Звонящий мир? Поющие оркестры? Ты сама слышишь, как это звучит.

Серафина кивнула. Она знала, как это звучит. Как бред. Как диагноз. Как то, о чём нельзя говорить вслух, если не хочешь, чтобы на тебя посмотрели косо.

— Забудь, — сказала она. — Просто устала.

Лиза ещё несколько секунд смотрела на неё, потом пожала плечами и открыла свой скетчбук.

— Ладно. Но если захочешь поговорить — я здесь. Даже если это будет разговор о поющих оркестрах.

Серафина слабо улыбнулась. Лиза была хорошей подругой. Лучшей, наверное. Но даже ей она не могла рассказать всё. Потому что одно дело — услышать странный звук. И совсем другое — проснуться с серебряными узорами на коже, пахнуть чужим миром и помнить взгляд серых глаз с золотыми искрами.

Она снова склонилась над роялем. Взяла камертон. Прижала к деке.

И на этот раз рояль ответил ей — чисто, ясно, идеально.

Как будто настроился сам.

Гул на границе слышимости стал чуть громче. И в нём теперь отчётливо слышался ритм. Медленный, глубокий, как удары сердца. Как шаги человека, идущего по Хрустальному Мху. Как обещание.

Она не знала его имени. Но её душа уже начала петь в унисон с его душой.

И это было только начало.

Глава 2. Эхо

Два года.

Прошло два года с той ночи, когда Грань содрогнулась.

Ареон стоял на смотровой площадке Цитадели — той самой, что нависала над восточным сектором Талара, — и смотрел, как внизу просыпается город. Хрустальный Мох, вплетённый в кладку улиц, ещё мерцал сонно, нехотя, но кое-где уже разгорался в полную силу. Значит, первые горожане вышли на улицы. Значит, день начался.

Два года. Почти два года он возвращался на это место каждое утро. Проверял посты. Выслушивал доклады. Отдавал приказы. Тренировал новобранцев. Играл на виолончели — много, до боли в пальцах, до пустоты в груди. Всё что угодно, лишь бы не думать. Не вспоминать. Не задавать вопросов, на которые у него не было ответов.

Но вопросы всё равно приходили. По ночам, когда две луны зависали над шпилями Талара, а он оставался один в своих покоях, серебряные узоры на его руке начинали светиться. Слабо, едва заметно — но он видел. И боль возвращалась. Тянувшая, голодная, ни с чем не сравнимая. Тоска по тому, что началось, но не завершилось.

Вега ничего не говорила. За два года она ни разу не спросила его прямо — только молча усилила патрули, как и обещала, и докладывала о каждом возмущении на Грани. Возмущений было мало. Грань вела себя на удивление спокойно. Как будто затаилась.

Как будто ждала.

Он спустился в обеденный зал. Вега уже сидела там с до-

кладом в одной руке и чашкой травяного отвара в другой. Выглядела она усталой — тени под глазами, волосы растрёпаны. Видимо, опять дежурила ночью.

— Что-то есть? — спросил Ареон, садясь напротив.

— Ничего существенного. Мелкие колебания на западном секторе, но это, скорее всего, сезонная активность Тенеткачей. Бран уже выехал с отрядом. — Она отхлебнула отвар, поморщилась — похоже, он успел остыть. — Ты опять не спал.

— Я спал.

— Ты врёшь.

Ареон не ответил. Протянул руку, взял с блюда кусок хлеба. Жевал медленно, без вкуса. Вега смотрела на него изучающе — тем самым взглядом, которым она смотрела на карты перед битвой, выискивая слабые места.

— Два года, — сказала она. — Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Ты знаешь всё, что тебе нужно знать для службы.

— Я не про службу.

Тишина. Долгая, звонкая. Ареон положил хлеб обратно на блюдо. Поднял глаза.

— Вега. Если бы я мог рассказать — я бы рассказал. Но я сам не понимаю, что произошло. И пока не пойму — это останется между мной и Гранью.

Она выдержала его взгляд. Потом кивнула.

— Хорошо. Но помни: я здесь не только как твой заместитель. Я здесь как твой друг. Даже если ты об этом забываешь.

Она встала и вышла. А он остался сидеть в пустом зале, глядя на нетронутый хлеб. Друг. У него было мало друзей. Ещё меньше — тех, кому он доверял. Но даже Веге он не мог рассказать о том, что случилось в лесу. О женщине с чёрными волосами и зелёными глазами. О серебряных узорах, которых не должно было быть. О боли, которая не утихала два года.

Потому что рассказывать было нечего. Он не знал ни кто она, ни откуда. Только имя — Серафина. И то, что она — его Истинная Пара. Та самая, из легенды, в которую он верил всю жизнь, но которую никогда не ожидал встретить вот так:

случайно, во сне, на Грани между мирами.

И она не вернулась.

Два года. Ни единого знака.

Он почти убедил себя, что всё это было ошибкой. Случайным всплеском. Галлюцинацией, вызванной переутомлением. Почти — пока не смотрел на свою руку в лунном свете.

Два месяца.

Прошло два месяца с того сна.

Серафина почти забыла о нём. Почти.

Декабрь сменился январём, январские морозы отступили перед сырым февральским ветром. Мастерская работала в обычном режиме: рояли, скрипки, виолончели приходили и уходили, а она возвращала им голос. Илья был рядом — спокойный, надёжный, неизменный. Они встретили Новый год у его родителей, на старой даче за городом: пили шампанское из бабушкиного сервиза, ели оливье на веранде, и его мама за чаем с фирменным яблочным пирогом снова завела раз-

говор о внуках. Серафима улыбалась, кивала, гладила Илью по руке. Всё было правильно. Всё было хорошо.

Гул почти исчез. Иногда, просыпаясь среди ночи, она всё ещё слышала его — далёкий, низкий, как эхо давно умолкшего оркестра, — но убеждала себя, что это просто шум ветра. Или кровь в ушах. Или что угодно. Серебряные узоры не возвращались. Она проверяла — украдкой, в ванной, пока Илья не видел, — но кожа оставалась чистой. Запах озона и пряного дыма тоже ушёл.

Она не искала больше легенд об Истинных Парах. Не гуглила «Кантилен». Не вглядывалась в лица прохожих в метро в надежде увидеть серые глаза с золотыми искрами. Она жила. Жила свою обычную, хорошую, выбранную жизнь.

И всё же иногда — очень редко, в промежутке между сном и явью, — она ловила себя на смутном, необъяснимом чувстве. Будто что-то должно произойти. Будто её ждут. Но она отмахивалась от этого чувства, как от надоедливой мухи, и оно уходило. Почти.

Вечер с Ильёй был тихим.

Они сидели на кухне, и Серафина смотрела, как он ест пасту, которую она приготовила. Ничего особенного — спагетти с томатным соусом и базиликом, — но Илья уплетал за обе щёки, и это было приятно. Правильно. Нормально.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом. — Ты сегодня в ударе.

— Просто хорошее настроение.

Он кивнул и вернулся к еде. Никаких вопросов. Никаких подозрений. За два месяца он ни разу не спросил её о том утре, когда она проснулась бледная и сказала, что плохо спала. Может, не заметил. Может, забыл. А может, просто принял как данность — Илья умел принимать вещи, не требуя объяснений.

После ужина он мыл посуду, а она читала книгу на диване. Сегодня это был не эзотерический блог — обычный роман, купленный в букинистическом на соседней улице. Старая история о любви, разлуке и возвращении. Она перелистывала страницы, но мысли блуждали далеко. О чём-то неясном, смутном, что пряталось на задворках сознания. Что-то про осень. Что-то про Равноденствие. Слово, которое она когда-то вычитала в том блоге и не смогла забыть.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — заметил Илья, вытирая руки полотенцем.

— Просто устала.

Он подошёл, сел рядом, обнял её за плечи. Тёплый, знакомый, свой.

— Может, в отпуск? Давно никуда не ездили. Можно в горы, ты же любишь горы.

— Давай, — сказала она. — На майские.

— Отлично. Я посмотрю билеты.

Он поцеловал её в висок — как всегда, легко и привычно — и ушёл в спальню. А она осталась сидеть, прижимая к груди книгу. Горы. Они действительно любили горы. Осенью они были особенно красивы.

Осенью.

«Слышащие знают. Ждите Осени».

Она тряхнула головой. Хватит. Это было два месяца назад. Сон, только сон. Фантазия разыгралась — так она себе

сказала. И почти поверила.

В спальне было темно и уютно. Илья уже лежал в постели, листая что-то в телефоне. Серафима скользнула под одеяло, прижалась к его тёплому боку. От него пахло гелем для душа и чем-то родным, знакомым. Домом.

Он повернулся, обнял её, притянул ближе. Его ладонь скользнула по её спине, по талии, остановилась на бедре — вопросительно, приглашающе.

Она замерла. Раньше — ещё два месяца назад — она бы ответила. Потянулась бы к нему, позволила бы рукам делать то, что они делали сотни раз. Но сегодня что-то внутри протестовало. Не громко, не яростно — тихо, но отчётливо. Как будто её тело больше ей не принадлежало. Как будто какая-то часть её души была занята — забронирована для кого-то другого, кто ещё не пришёл.

— Илья, — прошептала она. — Я устала. Давай просто... положим.

Он замер. Потом кивнул — она скорее почувствовала это движение, чем увидела. Его рука вернулась на безопасную

территорию — на её спину, между лопаток. Он поцеловал её в макушку.

— Конечно, — сказал он. — Спи.

И она закрыла глаза. Прижалась к нему крепче, укуталась в его тепло, в его спокойствие, в его нормальность. Вот. Вот что ей нужно. Просто человек, который рядом. Просто жизнь, которую она выбрала.

Всё хорошо.

Ничего не изменилось.

Гул стал громче.

Она этого не заметила — сознание уже соскальзывало в сон. Но тело заметило. Запястье, на котором больше не было видимых следов, тихо зазвенело под одеялом. А где-то далеко-далеко, за пределами этого мира, открылась дверь, которую она сама не умела закрывать.

И она упала.

Падение было недолгим — всего несколько ударов сердца, — а потом ноги коснулись твёрдой поверхности. Серафина пошатнулась, взмахнула руками, хватаясь за воздух, и открыла глаза.

Она стояла посреди таверны.

Это была не таверна в человеческом понимании — не прокуренный бар с липкими столами и тусклыми лампами. Это был огромный зал, вырезанный прямо в стволе живого дерева. Стены светились мягким золотистым светом, пол был устлан Хрустальным Мхом, который пел под ногами. Над головой, в ветвях, теряющихся где-то в индиговой вышине, порхали крылатые существа — полупрозрачные, сотканые из ветра и музыки.

За столиками сидели посетители. Кто-то был похож на людей — почти. У одного кожа мерцала, как слюда, у другого глаза горели аметистовым огнём. Кто-то не был похож вовсе: массивная фигура в углу напоминала ожившее дерево, а рядом с ней сидела женщина с волосами-лианами, в которых запутались светлячки.

Все они обернулись, когда Серафина появилась.

Крылатые существа вспорхнули первыми. Окружили, за-

звенели:

— Ого!

— Человек!

— Смотрите, какая!

— Ты чья? Откуда?

— Пахнет по-другому...

Серафина стояла, не зная, куда деть руки. Существа мельтешили перед лицом, трогали её волосы, заглядывали в глаза.

— Я просто... — начала она. — Я не знаю, как я здесь...

— Оставьте её.

Женщина с волосами-лианами поднялась. Светлячки в её прядях мигали. Она подошла ближе — плавно, как вода.

— Ты нездешняя. — Голос низкий, спокойный. — Как ты прошла?

Серафина не успела ответить.

Дверь таверны выбило ударной волной. Воздух завибрировал, Мох вспыхнул, крылатые существа брызнули в сторо-

ны.

На пороге стоял он.

Высокий. Чёрный мундир. Длинные волосы. Серые глаза с золотыми искрами.

Он обвёл зал взглядом — и посетители начали исчезать. Женщина с лианами задержалась на пару секунд, бросила на Серафину долгий, непонятный взгляд и вышла.

Они остались вдвоём.

Он шагнул к ней. Она встала. Колени дрожали, но она заставила себя выпрямиться.

— Ты, — сказал он. Не вопрос. Даже не утверждение. Просто выдох.

— Я, — ответила она. — Опять будешь приказывать? Или в этот раз обойдётся без «уходи»?

Он замер. Что-то дрогнуло в его лице — не обида, скорее узнавание. Она запомнила. Она не забыла.

— Прошло два года, — сказал он.

— О чём ты говоришь? Два месяца прошло, я почти забыла этот сон.

Теперь дрогнуло что-то глубже. В зрачках, в сжатых челюстях.

— Это не сон, — сказал он.

— Ты уже говорил. И тогда ничего не объяснил. Просто вышвырнул меня.

— Потому что ты была в опасности. Как и сейчас. — Он провёл рукой по волосам. Она заметила, что пальцы у него дрожат. — Ты не понимаешь. Здесь время течёт иначе. Твои два месяца — мои два года. Два года я не знал, вернёшься ли ты. Жива ли ты вообще.

Она молчала. Смотрела на побелевшие костяшки, на дрожащие пальцы, на точку в зрачках — ту самую, что появляется у людей, которые слишком долго ждали.

— Я не специально, — сказала она тише. — Я не умею это контролировать. Засыпаю — и проваливаюсь. Я не знаю, как это работает.

— Значит, научись. — Он шагнул ближе. — Каждая твоя прогулка здесь привлекает тех, кто захочет тебя использовать. Ты даже не представляешь, кто ты.

— Так объясни.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не поверишь. Ты всё ещё думаешь, что спишь. Что я — твоя фантазия. Если я сейчас расскажу тебе всё — ты проснёшься и превратишь это в ещё одну сказку. Мне нужно, чтобы ты поверила по-настоящему. А для этого ты должна дойти сама.

Она скрестила руки.

— Тогда зачем ты вообще пришёл? Чтобы снова выгнать меня?

— Да. Потому что здесь опасно.

— Ты повторяешься.

— А ты не слушаешь.

Они стояли друг напротив друга. В воздухе между ними искрило. И где-то под рёбрами у обоих натягивалась одна и та же струна.

Он первым нарушил молчание.

— Я не могу удерживать тебя силой. Не хочу. Но я прошу: уходи. Сейчас. Ради себя. А когда Грань истончится...

— Когда?

— Осенью. В Равноденствие.

Она запомнила. Но вслух сказала другое:

— Ты так и не объяснил мне, что происходит.

— Осенью, — повторил он. — Тогда всё. А пока...

Он протянул руку — медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстранилась. Его пальцы коснулись её запястья — легко, едва ощутимо.

И по руке побежали серебряные линии. Те самые. Узоры вспыхнули на его коже и на её. И боль — тянущая, голодная

— проснулась и запела. Но теперь в ней было что-то ещё. Тепло.

Она смотрела на их руки и не могла отвести взгляд.

— Это связь, — сказал он тихо. — Она началась в тот момент, когда мы впервые коснулись. И она не завершена. Поэтому тебя тянет сюда. Поэтому больно, когда мы не вместе. Поэтому ты будешь возвращаться.

— Я не просила...

— Я знаю. — Он отпустил её руку. Узоры погасли. — Я тоже не просил. Но это случилось. И теперь нам с этим жить. До осени.

Она кивнула. Медленно. Сама не зная, чему именно кивает.

Он поднял руку — и мир начал таять. Стены таверны поплыли, золотой свет померк. Он шагнул к ней — близко. Она почувствовала тепло. Его губы коснулись её щеки — легко, почти невесомо.

Кожа под его губами вспыхнула жаром. Пробуждением. Как будто внутри неё что-то спало всю жизнь и вдруг откры-

ло глаза.

— Жди осени, — сказал он.

И мир исчез.

Серафина открыла глаза в своей постели. За окном было ещё темно. Илья спал рядом — тихо, ровно, отвернувшись к стене.

Она лежала, глядя в потолок, и пыталась восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Щека горела.

Она поднесла руку к лицу. Кожа была тёплой. И пахла иначе — тем, другим миром.

— Это был просто сон, — прошептала она.

Но щека горела. И серебряные узоры на предплечье — она закатала рукав и увидела их — светились в темноте.

Она закрыла глаза. Прижалась спиной к Илье — знакомому, родному, настоящему. И ничего не ответила. Ни миру. Ни себе. Ни ему.

В Таларе светало.

Две луны уже опустились к горизонту, и небо над Цитаделью наливалось индиговым светом. Ареон стоял у окна и смотрел на просыпающийся город. Он не спал. Уже вторую ночь — с тех пор как Грань дрогнула, а он снова её увидел, — сон не шёл.

Она вернулась.

«Опять будешь приказывать? Или в этот раз обойдётся без „уходи“?» Она запомнила. Не забыла. Это было важнее всего остального. Он пошевелил пальцами — узоры на тыльной стороне ладони слабо светились в предрассветных сумерках. Два года. Два месяца. Цифры не укладывались в голове.

Если пересчитать — выходило что-то около года за месяц. Но легенды не давали точных цифр. Эфон предупреждал: после Раскола время между мирами потекло вразнобой, и никто не знает, равномерно ли оно течёт, ускоряется ли, замедляется ли. Гадать было бессмысленно.

Но он всё равно гадал.

До ближайшего дня Осеннего Равноденствия — семь месяцев. Если время продолжит течь так же, для неё это выйдет чуть больше полумесяца. А он будет ждать почти год. А если она придёт не в это Равноденствие, а в следующее? Тогда для неё пройдёт полгода — а для него шесть лет. Или двенадцать. Или двадцать.

Он закрыл глаза. Легенда говорила: «Когда Грань истончится в день Равноденствия». Но легенда не говорила, в какой именно день. Два Равноденствия в году. Весеннее — время закрытия ран. Осеннее — время прощания и перехода. Только в минорной тональности осени Грань становилась проницаемой. Так утверждали древние тексты. Так учил Эфон. Но проверить было не на ком — Истинных Пар не случалось тысячи лет.

Он ничего не знал наверняка. Знал только, что она вернулась. И что связь стала крепче. И что теперь оставалось только ждать — и надеяться, что это произойдёт в ближайшую осень, а не через десять лет.

Дверь открылась. Вега.

— Ты опять не спал.

— Я спал.

— Ты врёшь.

Она присела на подлокотник кресла. Вид усталый — видимо, тоже дежурила ночью.

— Грань дрогнула и успокоилась, — сказала она. — Второй всплеск за два года. Оба раза без прорыва. Как будто кто-то постучал и ушёл. И оба раза ты после этого молчишь.

Ареон повернулся. В двойном лунном свете его лицо казалось каменным.

— Ты помнишь легенду об Истинных Парах?

— Эсфирь мне все уши прожужжала.

— Там говорится о Резонаторе. О том, кто придёт из другого мира.

— И о Хранителе, — медленно произнесла Вега. — Который встретит её. Ареон, ты же не хочешь сказать...

— Я видел её, — сказал он. — Два года назад. И сегодня.

Это она.

Вега выдохнула. Откинулась на спинку кресла. Несколько секунд смотрела в потолок, осмысливая.

— И что теперь?

— Теперь — ждать. В день Осеннего Равноденствия Грань истончится. Тогда она сможет пройти сюда без риска. А до тех пор...

— Сколько ждать?

— Не знаю. — Он отошёл к окну. — У неё прошло два месяца. У меня — два года. Если время продолжит течь так же, до ближайшей осени у неё выйдет пара недель, а у меня — семь месяцев. Но я не знаю, какая осень сработает. Может быть, эта. Может быть, следующая.

— Или через одну, — тихо сказала Вега. — Если легенда вообще права насчёт осени.

— Да.

Она помолчала. Потом спросила:

— А она знает?

— Нет. Я сказал ей только, чтобы ждала осени. Она не верит, что это реально. Если я выложу ей расчёты времени — она просто решит, что я сумасшедший.

— А ты не сумасшедший?

— Возможно. — Он усмехнулся. — Но это ничего не меняет.

Вега встала.

— Я поговорю с Эсфирью. Она знает легенды лучше всех. Может быть, она скажет точнее, сколько времени течёт между мирами. И какая именно осень нам нужна.

— Хорошо.

Она направилась к выходу. У двери остановилась.

— Ареон. Для человека, который не верит, она слишком часто возвращается.

Дверь закрылась. Он остался один. За окном просыпался Талар. Узоры на руке светились. Семь месяцев, шесть лет,

двенадцать — он не знал. Но она вернулась. И это означало, что ждать стоит.

Глава 3. Время

В Таларе наступала четвёртая осень.

Ареон стоял на смотровой площадке Цитадели и смотрел, как город уходит в спячку. Хрустальный Мох на стенах уже не светился — он тускнел с каждым днём, готовясь к зимнему покою. Воздух пах прелыми листьями и холодным камнем. Две луны поднимались над шпилями позже обычного, и ночи становились длиннее.

Он пошевелил пальцами. Узоры на руке почти исчезли.

За те годы, что прошли после второго сна, серебряные линии побледнели до едва заметных нитей. Боль тоже ушла — не совсем, но стала глухой, далёкой, как воспоминание о давней ране. Связь истончалась. И это пугало его сильнее, чем сама боль.

Она не возвращалась.

Четыре года. Четыре долгих кантиленских года — и ни одного возмущения на Грани. Вега докладывала каждый месяц: западный сектор — тихо, северный — тихо, восточный — тихо. Грань замерла. Как будто ничего и не было.

Первые два года он ещё надеялся. Проверял посты, вслушивался в Песнь Мира, ждал. На третий год надежда начала гаснуть. Он перестал играть на виолончели — не мог, потому что каждая нота напоминала о ней. Инструмент стоял в углу покоев, накрытый тканью, и собирал пыль.

Теперь шёл четвёртый год. И он уже почти не верил.

Иногда ему казалось, что он всё придумал. Лес, две луны, женщина с чёрными волосами и красными прядями — плод воображения. Легенды об Истинных Парах — сказки, в которые он хотел верить, потому что вырос на них. Узоры — случайная магическая аномалия.

Но тогда почему он до сих пор помнил её лицо? Почему каждую ночь, просыпаясь в темноте, он первым делом смотрел на свою руку — не светятся ли линии? Почему сердце всё ещё сжималось, когда Вега произносила слово «Грань»?

— Ты опять не спишь.

Вега. Она возникала всегда бесшумно — тень за спиной, голос без интонаций. Он давно перестал вздрагивать.

— Я сплю.

— Ты стоишь на этом балконе четвёртую ночь подряд. Это не сон.

Он не ответил. Она встала рядом, оперлась о перила. Молчала долго — дольше обычного.

— Я была у Эсфири, — сказала она наконец.

Ареон не повернулся.

— Она говорит, что связь не исчезает. Даже если узоры гаснут, даже если боль уходит. Истинная связь не рвётся. Она засыпает. Но она может проснуться.

— Это она так считает?

— Это легенда так говорит. — Вега помолчала. — Эсфирь видела ещё один сон. Она говорит, что девочка из другого мира вернётся. Но она не знает когда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.